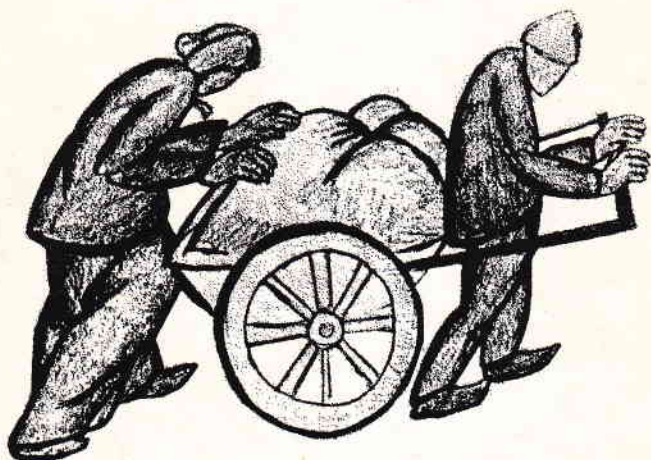

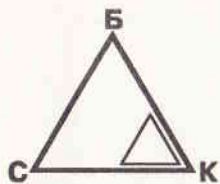
К. МАЛЕВИЧ

ЛЕНЬ

*как действительная истина
человечества*

КАЗИМИР МАЛЕВИЧ

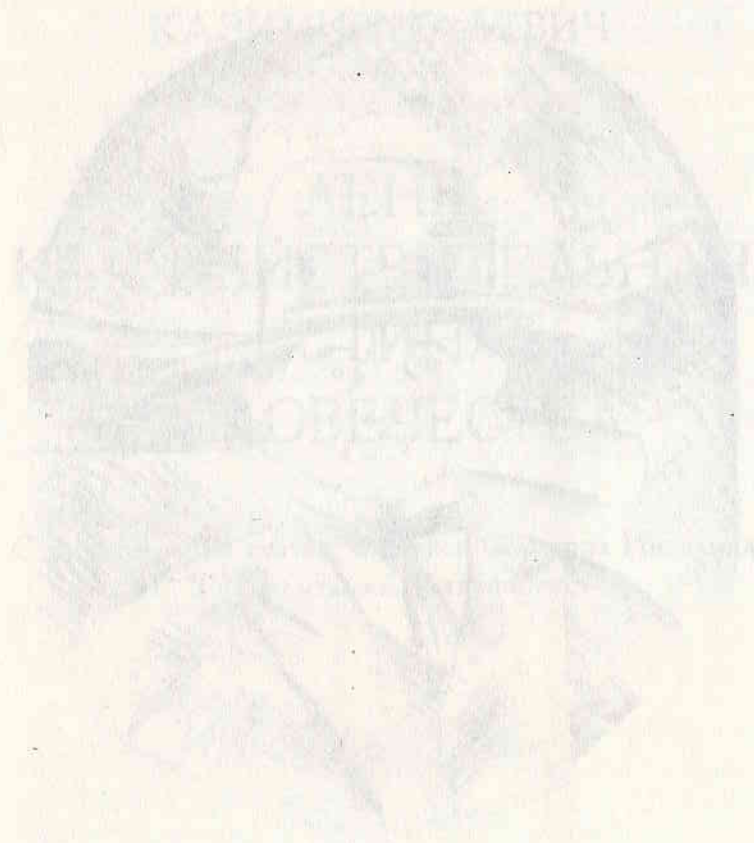
Handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is mostly illegible due to fading and bleed-through.

Отпечатано фирмой "ДПЛ-Стиль" для литературно-художественного агентства "Гилея". Макет Сергея Анненкова под общим наблюдением Сергея Кудрявцева. Гарнитуры Bodoni и NT Challenge.

Книга изготовлена в количестве 150 экземпляров. Из них 125 пронумерованных (1-125) и 25 именных, в продажу не поступающих.

Экземпляр Мой

Москва - 1994

КАЗИМИР МАЛЕВИЧ

ЛЕНЬ
КАК ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ
ИСТИНА
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

С приложением статьи Феликса Филиппа Ингольда
"Реабилитация праздности"

Москва ГИЛЕЯ 1994

Издатель благодарит Галину Леонтьевну Демосфенову за предоставление материалов для этой книги, а также за помощь в ее подготовке.

Предисловие и примечания А. С. Шатских.

ВСЕ ПРАВА СОХРАНЕНЫ

© Составление, оформление, "ГИЛЕЯ", 1994

ISBN 5-85302-024-2

В оформлении обложки использован рисунок К. Малевича "Двое с ручной тележкой", 1910-11 гг.

На фронтиспise: портрет К. Малевича работы Владимира Татлина, 1912 г.

ТРАКТАТ КАЗИМИРА МАЛЕВИЧА

Выразительность определений, выносимых Казимиром Малевичем в заголовки своих текстов, требует отдельного слова, которому нет места в этом кратком вступлении. Нужно только отметить, что даже в ряду прочих интригующих, неожиданных заглавий малевичевских трудов — таких как "И ликуют лики на экранах", "Производство как безумие", "Путь искусства без творчества" и других, — название небольшого трактата о лени, "матери всех пороков", остро выделяется своей парадоксальностью.

По сути дела, заголовок малевичевской работы представляет собой тезис, развитию которого отданы несколько больших рукописных страниц. Они написаны на одном дыхании, за один, что называется, присест — автор скрупулезно зафиксировал место и время озарившего его вдохновения: Витебск, 15 февраля 1921 года.

Годы, проведенные в Витебске, — особые годы в биографии Малевича. На первый план в жизни, в творчестве великого художника выдвинулось чистое мышление, умозрение — и не кисть и краски, а слово оказалось самым гибким, экономичным, результативным инструментом в постижении мироздания.

Малевич неизменно ощущал себя ретранслятором истин, осознанных на трудном пути к философскому абсолюту. Родоначальник супрематизма почти всегда был окружен последователями — и, повинаясь нравственному императиву, он стремился как можно полнее раскрыть перед ними свой опыт. Его общение с членами витебского объединения Уновис (Утвердители нового искусства) протекало в формах, столь известных, знакомых по жизни пророков разных времен и народов, несущих свет спасительного учения алчущим. Вождь Уновиса проповедовал, толковал, разъяснял свою супрематическую веру на многочисленных лекциях и докладах, проходивших в витебской школе в 1919-1922 годах.

Трактат о лени и был такой "запиской", по которой учитель прочитал уновисцам очередную лекцию, обнародовал еще один новый взгляд, на этот раз коснувшийся сферы социальной этики. Его анализ безбоязненно обнажал пружины повседневной, бытовой,

обыкновенной жизни — принцип экономии, один из основополагающих принципов супрематической системы как таковой, стал фундаментом страстной малевичевской апологии Лени. Нет сомнений, что автор совершенно самостоятельно обнаружил фальшивость общепринятых суждений о Лени, собственным умом дошел до провозглашаемой истины, не ведая о длинном ряде предшественников, с неменьшим пафосом поощрявших стремление мудрого человечества к наибольшей экономии сил.

Многослойный и парадоксальный текст Малевича, в котором много внутренних противоречий и нестыковок — отсюда его свобода, раскованность, на глазах читателя протекающее становление, — среди других положений развивал одну прекрасную вечную утопию. Ее во всю мощь использовала идеология, устанавливавшая в те годы свое страшное господство в России (хотя в конъюнктурности Малевича никто никогда упрекнуть не смог бы). Понимание Лени как благодати, как избавления от каторжного нетворческого труда смыкалось до некоторой степени с марксистским пониманием цели классовой борьбы трудящихся. По мысли основоположников коммунистического учения, на верхушке исторического прогресса все человечество должно было вступить в райское состояние полного и беспредельного досуга, отданного развитию склонностей и способностей каждой индивидуальности, личности. Здесь расходились пути-дороги невольных, недолгих единомышленников — до усовершенствования личности философу-художнику дела не было, это был божественный промысел, не людской; Лень же в его глазах была не досугом, а покоем, нирваной, растворением во Вселенной, возвращением к Богу.

Труд и впоследствии Малевич отказывался признавать доблестью, видя в нем лишь тяжкое Господнее проклятие. Рискованные строки по части самосохранения в условиях советской действительности написал он через несколько лет: “Искусство и чистые науки есть те отдушины, через которые человек должен вылезать, освободив себя на время от труда. Вообще же труд не является совершенством человеческой жизни, которое по существу лениво (лень, Ленин, он принадлежит Лени, он находится в покое, т.е. Лени, в Ленином, Ленивом состоянии)” /1/. Это безукоризненно прослеженное грамматическое родство однокоренных слов давало

едва ли справедливое, но уж точно — самое нетривиальное толкование популярнейшего псевдонима нашего столетия...

Трактат “Лень как действительная истина человечества” хранится в архиве Малевича в Стеделик Музеуме, Амстердам, инв. № 10. Опубликован в переводе на английский язык в издании: Andersen, Troels, ed. K.S.Malevich: The Artist, Infinity, Suprematism. Unpublished Writings. 1913-33. Vol. IV. Copenhagen: Borgen, 1978. P.73-85.

На русском языке сочинение Малевича издается впервые. Текст для данной публикации был подготовлен по машинописной копии, предоставленной Ф.Ф.Ингольдом, и микрофишам архива Малевича /2/. Сохранен стиль и правописание автора, пунктуация приближена к современной. В ломаных скобках приведены пояснения комментатора, раскрыты сокращенные Малевичем слова, примечания комментатора отмечены арабскими цифрами. Выделения в тексте принадлежат Малевичу.

Александра Шатских.

1. Малевич К. “Человек самое опасное в природе явление...”// Сарабьянов Д., Шатских А. Казимир Малевич. Живопись.Теория. М.: Искусство, 1993. С.312. Данное сочинение написано в середине 1920-х годов в Ленинграде.

2. Kasimir Malevich Archive, Stedelijk Museum, Amsterdam. Collection of forty-six microfishes of Malevich manuscripts published by Inter Documentation Company, Zug, 1980. Microfish no. 15.

ЛЕНЬ КАК ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ИСТИНА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Лень как действительная истина человечества.

Труд как средство достижения истины.

Философия социалистической идеи.

Лично на меня всегда производило странное впечатление, когда я слышал или вижу написанное, неодобрительное к факту действия лени какого-либо из членов государства или семьи. "Лень — мать пороков" — так заклеямили или заклеило все человечество, все народы факт особого действия человека. Всегда мне казалось, что это обвинение лени было несправедливо. Почему так восхваляется труд и возводится на трон величия славы и похвал, лень же пригвождена к столбу позора, все лентяи опозорены, и носят клеймо порока, матери лени, каждый же трудящийся восхвален в славе и торжестве и наградах. Мне всегда казалось, что все должно быть наоборот: труд должен быть проклятым, как и легенды о рае говорят, а лень должна быть тем, к чему человек должен стремиться. Но в жизни получилось обратное. Это обратное я хотел бы выяснить. И, так как всякое выяснение идет через признаки или существующие состояния и всякое изложение или вывод от этих признаков происходит, то и я в данном изложении хочу также через признаки и их отношения выяснить смысл, скрывающийся в слове "лени".

Многими словами зачастую покрываются истины, которые нельзя откопать, мне кажется, что человек с истинами поступил странно и уподобился тому повару, у которого было много горшков с разной пищей. Ясно, что у каждого горшка была и крышка, и вот по рассеянности повар понакрывал горшки, перепутав крышки, и теперь не может угадать, где и что в чем находится. Также мне кажется, что и у них получилось то же, на многих словах или истинах существуют крышки, и каждому человеку становится ясно, что содержится под крышкой, и вот мне

кажется, что получилось и с ленью. На какой-то крышке было написано "Лень — мать пороков". Накрыли какой-то горшок и по сие время думают, что в этом горшке сохранен позор и порок. Конечно, слово "лень" как обозначающее состояние человека очень опасное, опаснее ничего нет в мире для человека, ведь надо только подумать, что лень смерть "бытию", т.е. человеку, который спасает себя только через производство, через труд — не будет трудиться, вся страна придет к смерти, и целому народу угрожает смерть. Отсюда ясно, что это состояние должно преследоваться как гибельное состояние, тоже, чтобы избавиться от смерти, человек придумывает такие системы жизни, где бы все трудились, и не было бы ни одного лентяя. Вот почему система Социализма, ведущая к Коммунизму, и преследует все системы до себя существующие, чтобы все человечество стало на один трудовой путь, чтобы не осталось ни одного нетрудящегося. Вот почему самый жестокий из законов этой человеческой системы сказал: "Нетрудящийся да не ест", вот почему преследует ее капитализм, что он порождает "лентяев", что рубль ведет определенно к лени, так что повисшее проклятие трудом Бога <над> человек <ом> — труд — в социалистических системах получает наивысшее благословение. Под это благословение должен стать каждый, иначе ему угрожает смерть голодная. Вот какой смысл кроется в рабоче-трудовой системе. Смысл этот в том, что при всех других системах никогда человек не чувствовал бы приближения смерти общего и никогда не видел бы, что в производстве кроется не только благополучие для общего, но и для каждого. В трудовой общей же системе перед каждым становится смерть, перед каждым лежит одна задача: спасти себя через труд, производство труда, иначе ему угрожает голод. Таковая Социалистическая Система труда имеет в виду в своем, конечно, бессознательном действии — приведение всего человечества к труду, чтобы

увеличить производство, чтобы обеспечить безопасность, укрепить человечество и через способность производства утверждать свое "бытие". Конечно, неопровержимо верна эта система, заботящаяся не только об одном, но и обо всем человечестве. Капиталистическая Система тоже, она предоставляет то же право и свободу труда, накопления денег в банках, чтобы обеспечить себе "лень" в будущем, и потому предполагает, что рубль есть тот знак, который будет соблазнять тем, что принесет то блаженство лени, о котором каждый мечтает на самом деле. Истинно, значение рубля в этом, и рубль сам по себе не что другое, как кусочек лени. Кто их больше соберет, тот больше будет в блаженстве лени. Идейные люди, заботившиеся о народе, конечно, в своем сознательном не видели этой причины и смысла и всегда были солидарны в понятии о Лени, что она есть "мать пороков". Но в бессознательном было другое, именно было стремление, чтобы всех уравнить в труде, иначе говоря, уравнить всех в лени. Достигается то, чего нельзя достигнуть в капиталистической системе, забота же как Капитализма и Социализма одна и та же: достижение единственной истины человеческого состояния, Лени. В глубоком бессознательном кроется именно эта истина, но почему-то ее до сих пор не осознают, и нигде никакая система труда не выбрасывает лозунга "Истина твоего достижения есть путь к Лени". Вместо этого везде лозунги трудовые, и тут получается, что труд неизбежен, неизбежно <невозможно? - А.Ш.> его снять, и, действительно, социалистические системы идут к этому через труд, будут снимать его с плеч человека час за часом. Чем больше народу будет трудиться, тем меньше будет рабочих часов, тем больше часов лени.

Капиталистическая система образовала всеми правдами и неправдами класс капиталистов, чем обеспечила себе блаженство в ленивом времени, но так как лень обеспечивается трудом, то капиталистический план организации

труда построил так свою Систему, которая не дает возможности уравнивать в пользовании "Ленью". Пользуются ленью только те, кто обеспечен капиталом. Следовательно, класс капиталистов избавился от труда, избавился от того, от чего должно избавиться все человечество. Класс капиталистов рассматривает весь народ как рабоче-трудовую силу, также как Социалистические Системы рассматривают рабоче-трудовую машину, и потому каждый капиталист стремится к тому, чтобы рабоче-трудовой народ обеспечить так, чтобы <в нем> не угасли необходимые силы, но так как народу много, то даже и эта последняя забота остается без внимания. Борьба капиталистов с некапиталистическими системами происходит потому, что при победе некапиталистических систем произойдет уравнивание в труде, и что тогда капиталистический класс потеряет свое блаженство в лени. И потому происходит реквизиция всех предприятий капиталистов, чтобы распределить все средства поровну, как трудовые, так и лени. Социалистические системы только преследуют это равенство труда и лени, и каждый человек зорко следит за тем, чтобы труд был равно распределен. Часы же лени вытекают от этого равного распределения. Капиталистический класс все производство рассматривает как ценность, обеспечивающую капитал, <а> капитал как знаки, обеспечивающие лень. Также социалистическая некапиталистическая система в производстве видит ценность, обеспечивающую ленивые часы бытия. Совершенство последней системы идет не к умножению трудовых часов, а идет к сокращению. Выработка продуктов будет производиться постольку, поскольку необходимо человечеству. Ничего лишнего, никакого перепроизводства не должно быть, ибо последнее бывает только там, где преследуется жадность, зачастую никакой пользы не приносящая. А так как в социалистической системе полезность общечеловеческая, то она и будет обеспечена всеми же

трудящимися в равном. И, стало быть, никакое совершенствование не будет приобретено для личной пользы. Оно будет приобретаться только общественными мероприятиями для общей пользы. На самом деле, по отношению к изобретениям можно сказать, что всякое сделанное совершенство в своей сути всегда имело в виду общечеловеческую пользу, но как только совершенстводелатель выносил в Мир свое дело, его сейчас подхватывал предприниматель и пользовал в первую очередь это <как> свою личную выгоду, эксплуатируя тех, кто не смог приобрести дело. Была сделана машина. Капиталист сейчас же использовал ее для своей идеи, явилась возможность сократить число рабочих рук и увеличить свой капитал, лишив рабочих последнего заработка, выражавшегося в получении рублей как знаков лени. Их больше оставалось у предпринимателя. Рабочему было предоставлено пользоваться праздниками как физическим отдыхом тогда, когда предприниматели пользовались беспредельною ленью.

Социалистическая система еще больше будет развивать машину, в этом смысл цели. Ее смысл этот в том, чтобы как можно больше освободить рабочих рук от труда, иначе говоря, сделать весь трудовой народ или все человечество хозяином ленивым, который подобно капиталисту возложил свои мозоли и труд на руки народа. Социалистическое человечество возложит свои мозоли и пот на мышцы машин и также обеспечит машину бесконечным трудом, который не даст ни одной секунды покоя. В будущем машина должна освободиться и возложить свой труд на другое существо, освободив себя из-под гнета социалистического общества, обеспечив себе тоже право на "Лень".

Итак, все живое стремится к лени. С другой стороны лень является главным побудителем к труду, так как только через труд возможно достигнуть ее, так что очевидно, что человек попал под какое-то проклятие в виде труда, как

будто бы раньше находился всегда в состоянии лени. В общежитии, может быть, действительно и было это состояние, и, может быть, легенда о сотворении рая и изгнании человека из него и есть какое-то смутное представление либо бывшей действительности, либо будущего образа, к которому Человек через проклятие труда придет. Но последнее может быть удастся выяснить дальше или, вернее, дополнить развитую мысль в "белой мысли" о нескинутом Боге¹. Сейчас же я хочу записать то предположение, какое, может быть, сделано мною введением другой мысли о цели труда, и тем вывести его совершенно в другое средство. В общежитии предполагается, что труд — простая необходимость чисто харчового порядка и он не является главною сутью человеческого совершенства и что по-за трудом должно остаться время, через которое возможно было бы работать над совершенством. Такие совершенства предполагают науки и все вообще знания и самопознания окружающего нас мира. Таким образом получается, что сокращение часов труда оправдывается последним. Но под этими совершенствами предполагается даже отдых: искусство принято считать производством отдыха. Но мне кажется, что вот последняя половина не может оправдать вторую, ибо вся наука и другие отрасли знания есть тоже труд, правда, другого порядка, и этот порядок относится к творческим выявлению, к свободе действия, к свободному опыту, исканию, и в этом перевес перед чисто трудовой половиною, в которой творческого акта почти не существует, его получает фабричность, т.е. множимое начало вещей, перенесенных творческим совершенством для размножения.

Вот здесь и кроется причина стремления работника-трудовика к другим областям производства, в которых бы он почувствовал себя освобожденным от шаблонирования, и стал перед творческой работою. Таковую работу дают все знания науки и искусства, но многие благодаря социальным

системам государств не могут войти в эту вторую область человеческого действия, поэтому он <работник-трудовик? -А.Ш.> требует и охотно посещает зрелища и разные научные театры. Но, углубляясь в эту причинность, я усматриваю, что во второй половине человеческого труда усматривается отдых, другими словами сказать, в отдыхе или творчестве кроется особое состояние "лени" и последнее ведет к совершенствованию полного физического бездействия, переводя все физическое действие в особое состояние действия одной мысли. Но о действии мысли будет дальше. Теперь же нужно выяснить тождество обеих половин человеческого труда, именно труд и вторая половина совершенствования через науки и проч<ие> знания, что они составляют одно целое и одинаково стремятся к сокращению как часов труда, так и сокращению часов знания и творений наук, и так же, как через труд человек спешит достигнуть "лени", так же все знания и наука стремятся через себя скорее опознать и узнать все во вселенной, иначе говоря, достигнуть всего мирознания. Этого не может отрицать ни один человек, каждую секунду человек стремится проникнуть в миростроение и узнать все, что скрыто от него. Это стремление, я бы сказал, стремление к Богу, т.е. к тому образу, который наметило себе человечество как нечто совершенное. Каковым же оно его представило себе<?> Оно его представило таким существом, которое вездесуще и всезнающе, всемогуще и проч. Следовательно, каждый шаг человека рассчитан на совершенство, т.е. на приближение к Богу. И допустим, что через многие тысячи или миллионы лет человек достигнет всезнания, следовательно, вездобытия. Какой же будет этот момент<?> Дальше нечего постигать и нечего знать, очевидно <и> делать ничего не придется. Мир открыт и стоит в знании все его существо, вселенная в целом своем величии и бесконечности творений будет двигаться по своему вечному закону движения, и уже это

все ее движение известно в моем знании и также бесконечно вычислено каждое ее явление. Достигнув такого совершенства, достигнем Бога, именно того образа, который предназначало человечество в своем представлении, в легендах или в действительности. Наступит начало нового тогда божеского бездействия, бессостояния, человек исчезнет, ибо войдет в тот величайший образ совершенного своего предназначения. Такое положение будет и с трудом, в нем тоже человечество достигнет такого совершенства, где все его производство войдет в стихию природы и что без всякого труда будет все также входить в организм как дыхание, которое служит главною силою движения всего организма, как жизнь². Тот совершенный образ Бога видится и в труде, стремящемся освободить человека от труда и достигнуть того блаженства, когда все человеческие фабрики и заводы будут действовать сами по себе, это маленькое действие будет образцом той большой фабрики — вселенной, в которой все производство вырабатывается без спеца-инженера и рабочего, и которая согласно человеческому представлению была построена Богом, который был всеильным, всезнающим. Конечно, всеилие и всезнание можно разоблачить и доказать многими несовершенствами, которые идут все еще к совершенству, а, может быть, весь механизм вселенной вчерне как главная основа абсолютен в своем совершенстве, и только несовершенны его разумные детали, как одна из совершенных на вид форм — человек, но в общем этот человек представляет собою небольшой сколок миростроения вселенной. Он стремится все на земле построить по закону вселенной. Достигая в знании и труде единой цели полного всезнания и делопроизводства, человек достигает Бога, совершенства, иначе сказать, включает себя в него или его в себя и наступает момент полного бездействия, или действия как созерцания самопроизводства, наступает момент полной

“лени”, ибо даже я уже не могу участвовать в совершенстве: оно достигнуто.

Человек, народ или все человечество всегда ставит перед собою цель и цель эта всегда в будущем; таковой целью является совершенство, которое есть Бог, человеческое воображение нарисовало его и даже распределило дни его творчества, из чего видно, что Бог через шесть дней построил весь мир, и видно, что в седьмой день был отдых. Сколько этот день должен продолжаться, нам неизвестно, во всяком случае седьмой день это день отдыха. Допустим, что первый день был физическим отдыхом, хотя в действительности такового не было, если бы ему пришлось выстраивать вселенную физическим трудом, то ему пришлось столько же трудиться, как <и> человеку; очевидно, у него не было физического труда, следовательно, ему не нужно было и отдыхать, у него было творчество через слово “да будет”, через шесть раз “да будет” была построена вселенная в полном своем множестве разнообразия. С той поры Бог больше не творит, почивает на троне лени и созерцает свою мудрость. Но тут еще возникает вопрос, неужели при созерцании Бог не нашел еще большего совершенства? Очевидно нет, такова мудрость его, виденная нами во вселенной. Бог настолько совершенен, что даже не может быть в состоянии мысли, ибо вся вселенная исчерпывает совершенство божеской мысли. Я уже говорил о том, что человек просто маленькая копия того божества, которое создалось в нас же, и в действительности человек стремится к нему, и много уже есть таких людей, которые дошли до совершенства действия одной мыслью, приводя ею в движение целый народ и материалы заставляя принять другой вид. Такие люди пока существуют в виде вождей-правителей, и идеедателей, совершенствователей. На самом деле каждый идеедатель через мысль свою нашел известную идею, которая рано или поздно подымет весь

народ и перестроит его в новые ряды жизни, совершенство-делатель, открывший новое тело, машину или аппарат, подымет множество трудовых рук к умножению последнего, и мир принимает другой вид при дальнейшем совершенстве, его же мысль и создает таковые машины, которые умножают его дело, освобождая человека от труда. А так как совершенство человека будет продолжаться дальше, то, конечно, в будущем оно придет в состояние Бога, который через "да будет" творил мир. Каждый царь-правитель только движет жизнь через "быть по сему" или "да будет". Мы уже имеем небольшие примеры в нашей жизни, но все совершившееся в прошлом было сделано только человеком, в настоящем уже человек не один, а с машиною, в будущем останется одна машина или какое-либо соответствие ей, но тогда будет одно человечество, сидящее на троне предначертанной мудрости своей без вождей, правителей и совершенствователей; все это будет в нем; таким образом, оно освободится от труда и обретет покой, вечный отдых как лень, и войдет в образ Божества. Так оправдается легенда о Боге как совершенстве "Лени".

В жизни по отношению к лени совершенно другое отношение, чем отношусь я к ней в своих рассуждениях, и странное, я бы сказал, к ней отношение. Ясно для каждого, что всякий стремится избавиться от труда и стремится к блаженству, к отдыху или другому состоянию, чтобы не только не трудиться, но чтобы вся мысль не затруднялась в работе над проникновением в таинство природы явлений, чтобы и эта вторая область жизни человека была настолько совершенна, что смогла бы проникать всюду, и тем самым все явления природы сделались прозрачными. Такое великое совершенство должно наступить в человеческом состоянии, и этот человек употребить должен все силы, чтобы прийти к этой своей великой предначертанной силе ясновидения и знания. Но как странно: это великое его состояние и может

стать для него вечным состоянием и как бы в нем будет прекращена жизнь, ибо не будет борьбы, а жизнь это есть преодоление. Но ведь, может быть, жизнь — то, что мы называем счастьем и несчастьем, — и есть только уродство, и, достигая вечного состояния ясновидения и знания, человек выведет себя из жизни в высшее начало, когда вселенная вращения тайн станет полнотою его завершения, и ко всему этому ведет лень, которую поносят и клеймят. И мне кажется, что клеймение позором лени произошло потому, что мудрец, проклявший ее и наложивший на чело ее клеймо позора, видел ясно, что она совсем не то, что нужно под ней подразумевать, и, вернее клеймя ее позором, он клеймил народ ложью, из трусости он боялся показать ее действительное, боялся сказать, что только в ней то сокровенное, о чем мечтает человек. Странность в том, что почему бы быстрыми шагами не двинуться к этой великой человеческой мечте вместо проклятия и стремления уйти от нее, и даже всякое ее появление пресекать и даже пресекать через голодную смерть. Такова система борьбы с ленью, и эта же система употребляет все усилия прийти к ней. Конечно, что достижение всякого блаженства должно быть обставлено разными предосторожностями, иначе блаженство может стать гибелью, и в данный момент происходит то же с ленью, она — мечта, и она — гибель, и если бы все человечество захотело использовать "лень", то оно обречено гибели, ибо еще ничего не может двигаться само собою, еще его производство требует его рук, еще оно не включено в природоестество движения. Правда, многие люди достигли этого состояния наполовину, капиталист, обеспеченный знаками лени, получал ее только в освобождении его мускулов от труда и удовлетворялся созерцанием и изменением своего мира производства через повеление мысли, но и последнее тоже не было совершаемо беспечно. Перед каждым изменением мысли стоял страх, не потеряю

ли последнего, итак, система капитализма несовершенна. Социализм бескапиталистической системы ближе стоит к цели, но самое близкое это система совершенствования, включения проводов вечной силы в движение всего существующего человеческого производства как самопроизводства. Опасность лени велика, ибо она является силою, могущей превратить все в небытие, т.е. человека победит небытие, против чего он борется своим бытием, т.е. производством, так что небытие есть угроза лишения всех благ, и в том числе и лени, поэтому мыслитель человечества мобилизует все силы людей и животных на борьбу с небытием, утверждая свое бытие, а бытие ему нужно для того, чтобы достигнуть блаженства лени. Такое блаженство или лень всегда появляется в одном человеке, который носит в себе мысль благоустройства человека, обыкновенно все благоустройство человека бывает в его новой системе производства харчевого и духовно-культурных состояний. Конечно, сам мыслитель, может быть, в то же время, когда творит новое благо для человека, думает о системе благополучия и не подозревает, что думает именно о лени, и что вся его благосистема и выражает путь, приближающий к лени. Зачастую этот мыслитель блага человеческого несет систему новой жизни, омывает ее кровью народа, принося ад на земли. Но так рождается вечная новая мысль, и я не знаю, будет ли когда-либо встречен мыслитель народом, как новый идеедатель, увидит ли народ в лице его себя же или свое блаженство, или же он всегда будет бросать в него камни, не веря в видимую свою мечту, станет убивать ее. Такой мыслитель однако никогда не остается один, и потому только ни одно государственное правительство не может его убить как нарушителя и преступника, стремящегося изменить строй, установленный предыдущей истиной. Каждая истина несет и труд как средство достижения лени, это не ясно ни народу, ни государству, и

потому устроившаяся одна истина стремится уничтожить новую. Но последнюю трудно изловить, ибо трудно поймать каплю воды в море. Если бы все море было бы новою идеей, или народ сразу обнаружил идею, ее легче было бы обнаружить и истребить, но, так как идея всегда есть капля, ее трудно и невозможно изловить. Вся история говорит за это чудное явление, но почему-то никогда государственные правители не принимают это к сведению, а всегда собираются победить новую истину и каждый раз проваливаются. <По>то<му> же происходит и борьба с ленью, с величайшим образом человечества, с его истиной представления. Вся философия труда заключается в освобождении лени, но все думают, что труд служит для какого<-то>, другого блаженства. Итак, может быть впервые имя лени, или "матери пороков", мною выводится на площадь человечества, на ту самую площадь, на которой ее заклеили позором. И может быть впервые я коснулся чела ее мудрости или мудрости человечества в ней и снимаю клеймо. Пусть прочтут на челе ее, что она — начало всему труду, без нее не было труда. Она была в самом начале и через проклятие трудом должна восстановить свой новый рай. Лению перепуганы народы и преследуемы те, кто приемлет ее, и все происходит потому, что никто не понял ее как истину, заклеив "матерью пороков", когда она — мать жизни. Социализм несет освобождение в бессознательном, клеймя, не зная того, что лень породила его. И этот сын в безумии клеймит ее как мать пороков, но это еще не тот сын, который снимет <клеймо>, и потому я этой небольшой запискою хочу снять с <ее> чела клеймо позора и сделать ее не матерью пороков, а матерью совершенства.

*К.Малевич, 15 ф<евраля> 1921,
Витебск*

1. Под "белой мыслью" Малевич, очевидно, имел в виду трактат "Мысль" (1921), рукопись которого хранится в его архиве в Стеделийк Музеуме, Амстердам (инв. № 3). "Мысль" представляла собой первоначальный вариант сочинения Малевича "Бог не скинут. Искусство, Церковь, Фабрика" (Витебск: Уновис, 1922). Текст этой брошюры, в свою очередь, входил составной частью в главный философский труд Малевича "Супрематизм. Мир как беспредметность", законченный 19 февраля 1922 года в Витебске (опубликован в переводе на немецкий язык: Haftmann, Werner, ed., und Hans von Riesen, trans. Kasimir Malewitsch. *Suprematismus — Die gegenstandlose Welt*. Cologne: DuMont, 1962). "Белой" стадией Малевич называл последнюю стадию — полную беспредметность, "белую пустыню", — которой достиг живописный супрематизм, последовательно пройдя через черную и цветную. "Белая мысль" Малевича, выходящая к Ничто, философскому абсолюту (именно этому посвящен трактат "Бог не скинут") как бы повторяла путь живописного его развития.

2. Мысли о принципиально новой технике, которую может создать человечество для облегчения и усовершенствования своей жизни, Малевич высказал также в книге "Супрематизм. 34 рисунка" (Витебск: Уновис, 1920), где писал об "идее новой машины, т.е. новом бесколесном беспаробензинном двигателе организма", о природоестественном "построснии прообразов технических организмов будущего супрематического <мира>, кот<орые> обусловлены чисто утилитарной необходимостью".

Феликс Филипп Ингольд

РЕАБИЛИТАЦИЯ ПРАЗДНОСТИ

Феликс Филипп Ингольд — поэт, прозаик, искусствовед и переводчик. Живет в Цюрихе, преподает на кафедре славистики в Университете Санкт-Галлен. Его поэзия и проза, а также многочисленные поэтические переводы (с русского, чешского, французского, итальянского) широко издаются в немецкоязычных странах. Перу Ингольда-критика принадлежит ряд исследований по русской культуре, в том числе работы, посвященные эстетическим и философским взглядам Казимира Малевича.

Первая публикация работы Малевича “Лень как действительная истина человечества”, осуществленная Т.Андерсеном в 1978 г. на английском языке, привлекла внимание Ф.Ф.Ингольда. В 1979 г. в “Wiener Slawistischer Almanach” он опубликовал большую статью “Искусство и экономия” (“Kunst und Oekonomie”), в которой был затронут ряд существенных положений супрематической эстетики Малевича и, в частности, анализировались истоки некоторых идей Малевича о взаимоотношении труда и искусства, а также о свободном времени как необходимой предпосылке творческой деятельности.

Здесь впервые в русском переводе публикуется сокращенный вариант названной статьи, включающий те ее части, которые посвящены мыслям Малевича о лени. Библиографический аппарат статьи также сокращен, цитаты из работы Малевича “Лень как действительная истина человечества” даются по настоящему изданию и выделяются в тексте курсивом.

В супрематическом понимании сфера искусства является одновременно и жизненным пространством, оставаясь идентичной последнему; все способы мышления и действия считаются творческой активностью. Супрематизм проектирует картину мира, в котором понятийное и образное мышление могут придти к тождественности. Труд заменен здесь медитативным “покоем” (творческим досугом), работа — “возбуждением” (чистым действием): супрематическое сознание является по отношению к миру явлений и всей природы только возбуждением. “Борьбу за существование” супрематисты осознавали как ложную, как борьбу человека со зверем в самом себе и вместо этого посвятили себя борьбе за “супрематию человека”. Надежду, что эта борьба за человеческую культуру имеет будущее, Малевич выводит из того факта, что даже в культурных условиях “практического реализма” встречаются, по его словам, отдельные люди, которые созерцают звезды вместо того, чтобы производить полезные вещи. Такие люди подтверждают правильность той экономической утопии, которая видит высшее совершенствование земного благополучия в сокращении рабочего времени, ибо — делает вывод Малевич — чем больше сокращается время на практические работы, тем больше ширится беспредметность во времени.

Тезис, который формулирует здесь Малевич, имплицитно обращаясь к утопическому (от Фурье до Бебеля) социализму с его неоднократными посулами сокращения рабочего времени, он развивает и толкует в своей историко-философской работе, появившейся в 1922 году как трактат УНОВИСа под заглавием “Бог не скинут”. Своим надеждам и многократно высказываемым требованиям освобождения человека от физического труда (“освобождение от физической действительности” через “совершение актов в чистой мысли”)* Малевич видит подтверждение в природе: “Вся же ныне физическая действительность возложится на новые организации самопроизводящих в вечном, как это достигнуто в природе”**. Малевич предлагает

* Малевич К. Бог не скинут. Искусство, церковь, фабрика. Витебск, 1922. С. 12.

** Там же.

осуществить легенду — или действительность — Бога как выражение наивысшего общественного совершенства и напоминает, что человек до изгнания из рая мог посвящать себя исключительно созерцанию постоянного, безошибочного самообновляющегося движения божественной технологии, так как для удовлетворения своих материальных нужд ему не приходилось затрачивать никаких физических усилий. Сам Господь как создатель мира, как чистое проявление художественного творчества, продемонстрировал, как, без малейших трудовых затрат — только силой мысли, императивом “Да будет!” — Он смог создать почти совершенную систему. Единственным недостатком беспредметной системы природы является ее ограниченность: совершенство достижимо лишь в бесконечности. То, что Бог ограничил свое творение запретом, послужило поводом “грехопадения”, побудительной причиной фатального низвержения человека в предметность, которое лишь позже, путем последующего изгнания из рая, было конкретизировано и окончательно оформлено. Только после “преступления” Адама — после его перехода из беспредметного природного бытия в предметный мир дурной повседневности — для человеческого рода началась история “труда, рождения, пота и крови”*. Жертвой этой истории страданий наряду с крестьянином, ремесленником, интеллигенцией пал и художник: чтобы выдержать борьбу за существование, он проявил готовность иллюстративно (или вербально) изображать, а значит, и объективировать внехудожественные, т.е. политические, религиозные идеи. В той мере, в какой искусство позволило “церкви” и “фабрике” захватить себя, оно утратило статус покоя и независимости, которые, по Малевичу, являются предпосылкой любого творчества; оно отделилось от природы, отказалось от бездействия — того, что Малевич называет “чистое действие”, — и стало одним из действий среди прочих. Одна лишь Природа, после шестого дня творения предоставленная Богом самой себе, пребывает и далее в своей первозданной беспредметности, и остается независимой не только от каких-

* Там же. С. 37.

либо задач или целей, но и от пространства и времени и даже от своей обусловленности и свойств как материи.

Согласно этому, творить исходя из природы и по природе означало бы то же самое, что *creatio ex nihilo*; это сделало бы искусство и художников лишними. Но то, что осталось бы, было бы вне- или надкультурным творчеством — как позиция, а не как продуктивность: *Poiesis* без *Techne*, искусство как “чистое действие”, как идея. Чтобы создать “чисто-живописное произведение”, — поясняет Малевич, обосновывая “новый живописный реализм”, — он “уничтожил кольцо — горизонта, и вышел из круга вещей, с кольца горизонта, в котором заключены художник и формы природы”*: “но я преобразился в нуле форм и вышел за нуль к творчеству, т.е. к Супрематизму, к новому живописному реализму — беспредметному творчеству”**. Не только благодаря своему действию, но, скорее, благодаря своему бездействию — и безмыслию — Бог, который, как только мир был создан, “вошел в полный покой”, стал примером для супрематического человека. Искусство как искусство снова станет возможно, когда все будет сделано, продумано и понято; когда “все” узнано и человек на фабрике крикнет — довольно, труд окончен, исследовано все. Я на вершине миров или миры поглощены мною, я овладел всеми совершенствами, “я Бог”.*** Когда физический труд вознагражден, для супрематиста начинается царство “немышления” и наступает “покой”, то есть освобожденный от всех трудов Бог — в состоянии абсолютного бездействия. Путь человека к Богу — путь к совершенной беспредметности как процесс превращения в Бога — подобен возвращению в рай, соответствует переходу от работы к творчеству, от хаоса борьбы за существование к совершенству вечного спокойствия. Но ради участия в этом спокойствии человек должен отказаться от достигнутого материального совершенства, должен перейти ту

* Малевич К. От кубизма и футуризма к супрематизму. Новый живописный реализм. Издание третье. М., 1916. С. 3.

** Там же. С. 27.

*** Малевич К. Бог не скинут... С. 28.

последнюю грань, которая его (“ничто”) отделяет от Бога (“ничто”); итак, превращение человека в Бога явилось бы процессом самоуничтожения, а достигнутое таким путем спокойствие — смертью.

То, что объективирующий рабочий режим “фабрики” тяготеет или должен тяготеть к спокойствию — то есть к сокращению рабочего времени, а в конечном счете и просто к отмене труда, является лейтмотивом, который постоянно повторяется в многочисленных (в первую очередь, коммунистических) социальных утопиях, однако обещания исторического спасения, содержащиеся в этом лейтмотиве, выполнялись лишь в ничтожном объеме, ни при социалистическом, ни при капиталистическом строе отмены труда не произошло; напротив, физическая работа и тут и там мощно выросла в цене, ее возвысили как таковую, уравнив с интеллектуальной деятельностью. Практически также стремились поднять ее привлекательность (путем гигиенической и технической рационализации рабочих мест, путем создания возможностей повышения квалификации и проведения досуга). Борьба за существование и классовая борьба не были исключены, а только компенсаторно смягчены, стилизованы как символическое действие и этим — по крайней мере внешне — лишены своих целей и принудительного характера. На ранних ступенях советского коммунизма мученика-пролетария последовательно выставляли как “железного мессию”, церковь перестраивали в “фабрику”, а “фабрику” возводили в ранг “церкви”. Искусство же использовалось для того, чтобы “облачать в ризу красоты” социалистическую “фабрику” и трудящиеся массы, подобно тому, как ранее, на протяжении веков, по заказу “церкви” оно работало “на капитал”. Со своей стороны, “фабрика” (у Малевича — это понятийное соответствие метафоре “харчевой реализм”) отменила Бога, заменила его коллективным героем — пролетариатом, который, после того как Бог стал “ничем”, должен был олицетворять новое “ничто”. Отсюда Малевич делает примечательный вывод, что только “фабрика” адекватно поняла, что есть “Бог”: ибо так как “Бог

* Там же. С. 32.

— покой, покой — совершенство”*, это приводит к Богу, понимаемому как спокойствие! “Через труд достигнуть освобождение от труда”** и придти к Богу как явному “ничто” — это высшая и одновременно самая отдаленная цель “фабрики”.

То, на что Малевич здесь только намекает путем как бы иронического (из-за религиозной подошпки) отождествления пролетарской этики и супрематической эстетики, он открыто изложил в другой работе, написанной в начале 1921 года под названием: “Лень как действительная истина человечества”. Здесь Малевич предпринимает попытку оправдать “мать пороков” — лень, представить ее “матерью совершенства”. Новая радикальная оценка лени, рекомендуемая отныне в качестве наивысшей добродетели и освобождаемая от обвинения в порочности, приобретает легитимность потому, что Малевич объявляет активную пассивность — лень — необходимой предпосылкой возвращения человека из предметного мира “труда” в райское царство “покоя”; первично человеческая жизнь определяется ленью, одной из форм проявления природной “мудрости”, которую, однако, систематически подавляли и объявляли ересью, так как “проклятье труда” продолжает действовать в форме экономических законов: слово “лень”, как пишет Малевич, обозначает “состояние человека очень опасное... Вот почему самый жестокий из законов этой человеческой системы сказал: “Нетрудящийся да не ест”, вот почему преследует ее капитализм, что он порождает “лентяев”, что рубль ведет определенно к лени, так что повисшее проклятие трудом Бога <над> человек<ом> — труд — в социалистических системах получает наивысшее благословение.”

Объективированную (и объективирующую) систему и социализма, и капитализма Малевич упрекает в том, что они сделали труд государственным делом, вместо того, чтобы способствовать его преодолению и освобождению человека для вечного “покоя” беспредметности. Труд там облагорожен, праздность

* Там же. С. 30.

** Там же. С. 35.

же — заклеяна; иго труда сделало возможным уравниловку и нивелирование всех людей “фабрикой” и одновременно воспрепятствовало достижению — когда-либо — первоначального состояния безжеланного счастья — состояния полного бездействия, приближенного к негативному статусу небытия. Малевич видит во всех прлитических теориях и практике принципиально ошибочное понимание “покоя”; с одной стороны, он отрицается и диффамируется как непродуктивная праздность, с другой же стороны, используется для трудового и производственного процесса в качестве продуктивного досуга: “фабрика” сама распоряжается и регулирует свободное время трудящихся, чтобы обеспечить эффективность и уровень производительности. “Покой” допускается, соответственно, в той мере, в какой он нужен для сохранения рабочей силы. Малевич придерживается противоположного мнения, что из-за огосударствления труда человек утратил свой первоначальный покой, который теперь заново следует завоевывать. Таким образом, “покой” не должен более служить сохранению и повышению производительности труда, а, наоборот, любой трудовой договор должен работать на восстановление “покоя”. Праздности, доказывает Малевич, человек предавался с самого начала; лишь в результате “проклятия трудом” лень была объявлена пороком и должна строить теперь свой новый “рай”. Но этой тенденции мешают как капиталистические, так и социалистические “экономические законы”; капитализм позволяет досуг лишь тогда, когда он оплачен рублем, в то время как при социализме только определенная часть произведенного труда дает право на досуг. “Социалистические системы только преследуют... равенство труда и лени”, а капиталистический класс “все производство рассматривает как ценность, обеспечивающую капитал, <a> капитал как знаки, обеспечивающие лень”.

В современной механизации и прогрессе науки Малевич усматривает возможность возвращения “покоя”, а с ним и “права на лень”. По его мнению, превращение всей работающей части нации или всего человечества в “хозяина ленивого”

свершится, как только технология и наука достигнут той степени совершенства, которая сделает не только ненужными, но и невозможными какое-либо дальнейшее совершенствование и какое-либо дополнительное знание. Постоянное стремление человека “проникнуть в миростроение и узнать все, что скрыто от него” соответствует, как это неоднократно подчеркивает Малевич, “стремлению к Богу”, то есть — к абсолютному беспредметному бытию. “И допустим, что через многие тысячи или миллионы лет человек достигнет всезнания, следовательно, всебытия... Достигнув такого совершенства, достигнем Бога, именно того образа, который предначертало человечество в своем представлении, в легендах или в действительности”. Хотя Малевич еще не может распознать в социалистической жизни признаков освобождения труда в пользу праздности, он убежден в том, что социализм — особенно как теоретическая система — содержит некоторые элементы, которые способны облегчить и ускорить совершенствование “полного физического бездействия, переводя все физическое действие в особое состояние действия одной мысли”: “Также социалистическая некапиталистическая система в производстве видит ценность, обеспечивающую ленивые часы бытия. Совершенство последней системы идет не к умножению трудовых часов, а идет к сокращению”. Малевич надеется, что построение и развитие социализма создает такую академическую систему, которая не допустит перепроизводства и предусмотрит производство только в той мере, которая “необходима человечеству”. Сохранение и поощрение безработицы станет в этих условиях первейшей задачей соответствующих органов; помогать научному и техническому прогрессу следует лишь тогда, когда он оправдан “только общественными мероприятиями для общей пользы”; “тогда будет одно человечество, сидящее на троне предначертанной мудрости своей без вождей, правителей и совершенствователей; все это будет в нем; таким образом, оно освободится от

труда и обретет покой, вечный отдых как лень, и войдет в образ Божества. Так оправдается легенда о Боге как совершенстве "Лени".

Как и многие его современники, Малевич хочет, по всей видимости, бороться за сохранение идеала "советского рая", осуществление которого реальный социализм в СССР уже тогда — спустя немногие годы после революции — представлял как анархо-коммунистическую утопию; вопреки собственному опыту и несмотря на совершенно иную информацию о ситуации, Малевич в течение долгого времени упрямо держался за идею возможности воображаемого идеала "новой жизни" и не мог не видеть в послереволюционной России очертаний лучшего из миров: то, что Малевич предлагает в своих работах для реабилитации лени, является "экономической" системой, которая на социалистической основе должна установить связь между "вечной силой" и любым "человеческим ремеслом" ради освобождения производства от гнета производства и производительности. Но такой системе — и это Малевич безусловно признает — современный, первично ориентированный на практическую деятельность человек будет решительно сопротивляться, причем, независимо от того, тяготеет ли он к социализму или капитализму. Ведь рост лени, происходящий путем прогрессирующего исключения трудовой обязанности, будет укреплять те силы, которые и без того склонны "превратить все в небытие", и эту опасность можно уничтожить только опредмеченной деятельностью человека — трудом. Небытие "есть угроза лишения всех благ, и в том числе и лени".

Политик (у Малевича — "мыслитель человечества") выводит из этой логической, но ложно понимаемой — как угроза — последовательности оправдание своего существования и властных полномочий. Центральная задача политического мышления состоит в любом случае в "мобилизации всех сил людей и животных на борьбу с небытием". Предпосылкой и формой проявления такой борьбы является людской труд — неустанная работа во имя полного объективирования и

материального освоения мира. Абсурдность всякой политики состоит, как видно, в том, что постоянная целенаправленность — преодоление борьбы за существование, совершенствование существующих форм жизни и ее качества до наивысшей степени — таит в себе свою собственную отмену. Поэтому политик мыслящий и действующий вынужден постоянно представлять или завоевывать позиции, которые его самого подвергают опасности не-бытия. По Малевичу, это является причиной того, что прогресс, достигнутый в политике, все снова и снова ревизуется новыми политическими теориями и в конечном счете отменяется: любая политика одновременно препятствует тому, что она проповедует, если она хочет сохранить себя как институт. В этом парадоксе проявляется то самое фатальное, обусловленное "практическим реализмом" хозяйствования недоразумение, которое признает праздность только в ее зависимости от труда, как функциональное средство обеспечения производительности, во всех остальных случаях отвергая ее как порок, вместо того чтобы признавать в ней "мать совершенства". *"Вот здесь и кроется причина стремления работника-трудолика к другим областям производства, в которых бы он почувствовал себя освобожденным от шаблонирования и стал перед творческой работой. Таковую работу дают все знания науки и искусства, но многие благодаря социальным системам государств не могут войти в эту вторую область человеческого действия, поэтому он требует и охотно посещает зрелища и разные научные театры. Но, углубляясь в эту причинность, я усматриваю, что во второй половине человеческого труда усматривается отдых, другими словами сказать, в отдыхе или творчестве кроется особое состояние "лени" и последнее ведет к совершенствованию полного физического бездействия, переводя все физическое действие в особое состояние действия одной мысли".*

Многочратно повторяющиеся попытки Казимира Малевича обосновать лень как парадигму человеческого творчества, превратить ее в "пятое — экономическое — измерение" искусства

и ввести ее этим самым в специфическую теоретическую область супрематической эстетики, допускают, в зависимости от контекста восприятия, различные толкования. В контексте супрематического теоретического структурирования понятие лени служит общей (метафорической) характеристикой того, что Малевич хотел понимать под художественной деятельностью — как ненамеренной и бесцельной формой активного бездействия (“возбуждение”). В основе требования универсальной праздности лежит и критическое начало, особенно тогда, когда ее ассоциируют с анархистскими постулатами или связывают с представлением о “беспредметном”, выходящем за рамки людской практики трансцендентном мире. Большинство теоретических трудов Малевича базируется на более или менее дискретно структурированных субтекстах. Это в особенности касается обширных работ по эстетике УНОВИСа, написанных в первые послереволюционные годы, в которых автор обращался не только к своим ученикам и единомышленникам, но и к творческим и политическим противникам. К последним относятся, с одной стороны, представители промышленной эстетики и утилитарного конструктивизма (Родченко, Татлин, Кемени, братья Стенберг, а также Осип Брик), а с другой стороны, те советские функционеры от культуры, которые рассматривали производственный процесс не только как предпосылку пролетарского классового воспитания, но и как пример художественной практики и даже просто как единственный источник “глубоко творческой силы пролетарского коллектива”.

Тот факт, что призыв Малевича вновь обрести “беспредметный”, независимый от вещного давления и целевого предопределения мир прозвучал в контексте Новой Экономической Политики, пролетарской культурной революции и начинающейся унификации художественной и литературной продукции, позволяет сделать вывод о его критической направленности. Малевич относится к тем прогрессивным художникам, которые после революции активно выступили за консолидацию советской власти и строительство социализма, но которым очень скоро

был брошен упрек в том, что они признали только захват власти большевиками, а не “коммунистическую идеологию”, и остались в своей художественной идеологии идеалистами и метафизиками. Эти упреки Малевич, как и Маяковский, слышал потому, что использовал в своей аргументации приемы ортодоксального еретика: его критика капитализма и буржуазной культурной политики, а также его апология социалистической идеи, прочитываются как замаскированная, выраженная косвенным образом полемика с капиталистической фальсификацией нэпманского социализма; его критика всякого ангажированного искусства эксплицитно направлена против церкви, феодализма и буржуазии как его заказчиков, имплицитно же она направлена на производственное и пропагандистское использование культуры в советском государстве. Понимая социалистическую идею не только как социально-теоретический или государственно-утопический проект, а как конкретную заповедь, он делает ее краеугольным камнем реально практикуемого социализма и — неопределенно ссылаясь на капиталистическую трудовую мораль НЭПа, эстетизацию и ритуализацию тейлоризма в Пролеткульте и предательство большевизмом социалистического принципа удовольствия от лени — возводит ее в идеал: благодаря этому идеологические реальные факторы отступают за реалистически предполагаемые идеальные факторы; право на лень обосновывается с позиций философии искусства и жизни, но одновременно и возвышается религиозно (в его проективном расширении до “вечного покоя”, приравниваемого к абсолютной беспредметности, которая есть ничто). В то время как исторически и политически утверждающийся социализм устанавливал — уже как марксизм-ленинизм — в качестве основных категорий “новой жизни” науку и технику, труд, прогресс и коммунистическую дисциплину, Малевич стал работать на их преодоление, так как усмотрел в них пережитки буржуазной революции и опасность для “нового человека”, которого он хотел видеть свободным от вынужденной борьбы за существование (т. е. от труда с исключительно экономической мотивировкой) во имя удовольствия чисто творческого

возбуждения. Малевич, как и многие социал-утописты до и после него, весьма и весьма пренебрегая социальными принципами, постулировал принцип творческого удовольствия как сопротивления политическому использованию (даже уничтожению) человека как природного существа. Для Маркса же и марксизма человек, вне зависимости от заранее заданного социализмом утопического совершенства, является “природно” предопределенным существом, которое должно “сознательно воспроизводить себя самого”, обеспечивать и оправдывать трудом свое физическое и общественное существование. Труд как предметная и опредмеченная деятельность стал парадигмой любой продуктивности, будь то ремесло или промышленное производство; он предшествует и созданию теории, и политическим действиям. Работа, согласно присущей ей мере искусственности, уже оправданная молодым Марксом как эстетическая деятельность, является воскрешением природы и также подражанием природе, поскольку представляет человеку через свой продукт поэтически усвоенную природу как “его дело и его действительность”. Для марксиста “еще-не-ведомое” никоим образом не является утопическим предчувствием, но именно тем, что работа и политическая деятельность обнаруживает как опыт; это-то и проясняет, чем отличается малевичевский “социализм” и “экономия” от марксистского толкования этих понятий.

Окончание материальной борьбы за существование и преодоление труда как объективирующей деятельности с подчеркнутым компонентом неудовольствия является обещанием всеобщего счастья, свойственным многочисленным проектам утопических государств — от Города Солнца Кампанеллы вплоть до анархо-синдикалистских социальных теорий князя Кропоткина; согласно этим утопиям, мера труда для всех сводилась к минимуму (если труд вообще не отменялся), так что для самосохранения (или взаимопомощи) необходимые работы больше не должны были производиться “в поте лица”, а становились, сами по себе, независимо от чужой воли, самонаслаждением, оказывались в конечном счете даже

художественной деятельностью. С победой пролетарского социализма, как мыслилось, не только “труд из мучения станет удовольствием”, но, что важнее, общая “работа по желанию” явится предпосылкой и залогом того, что вместе с борьбой за существование будет покончено и с классовой борьбой, после чего все люди, объединенные отныне радостным трудом, придут к всеобщему равенству.

Уже со времен восприятия петрашевцами фурьеризма социалистические утопии стали в России предметом широкомасштабных политических дискуссий. Распространению, популяризации и критике этих идей не в последнюю очередь способствовали многочисленные литературные тексты — об этом свидетельствует воздействие на общество таких произведений как роман Тургенева “Отцы и дети” (1862), эпический трактат Чернышевского “Что делать?” (1863) или легенда Достоевского о Великом Инквизиторе (“Братья Карамазовы”, 1879-1880). В своих занятиях социализмом Малевич, вероятно, мог в первую очередь ориентироваться на подобные художественные произведения (особенно занимаясь социал-утопическими проектами “новой жизни”), но так как он не дает никаких ссылок и последовательно избегает указывать или хотя бы упоминать источники цитирования, определение корней его аргументационного базиса представляет значительные трудности.

Исходными путями размышлений Малевича о свободной от труда жизни, где экономика, политика и искусство лишены любой целенаправленной предметности, можно считать, наряду с позициями утопического социализма, также и специфические русские “мечты о невозможном будущем”, проекты “прошлых утопических” форм жизни и общества, намеченные Чаадаевым и конкретизированные Гончаровым в образе Ильи Ильича Обломова. Тихо, порой безучастно, порой с наслаждением угасающий помещик, ум и воля которого парализованы, мифологически сгущенно олицетворяет ту всеохватную лень и скуку, которые клеймили как национальный порок и с которыми боролись все прогрессивные критики — вплоть до Горького и Ленина, не видя (тем паче не признавая), что идеал обло-

мовского счастья — “идеал покоя и бездействия” — гораздо больше соответствовал социалистическим, а не капиталистическим представлениям о цели. Малевич же, который мог наблюдать, как НЭП обострил борьбу людей за существование, дезавуируя безделье как асоциальное поведение и превознося вместо этого капиталистическую мораль труда и бизнеса в качестве образца, по-видимому разглядел в Обломове не только нигилистического хаотика и эскаписта, но и творца и одновременно исполнителя своих собственных мыслей, того самого супрематического человеческого типа, который воздерживается от какой-либо объективирующей деятельности и только прорабатывает и колыхает, как морские волны, идеи в своей голове, но который, с другой стороны, вполне склонен к деятельности, если она лишена какой-либо практической целенаправленности и, следовательно, остается беспредметной. Вероятно малевичевская утопия беспредметного, свободного от любых утилитарных принуждений мира неслучайно напоминает спекулятивную философию искусства художника Александра Иванова, который надеялся на воцарение на земле нового (“правильного”) порядка, земного Царства Божия, в котором человек станет охранителем своего собственного покоя и сумеет найти всеобщую гармонию мира. Осуществление такого порядка одновременно привело бы к окончанию эры тревог, страданий и мук: юдоль горестей обернулась бы раем. Иванов представлял себе это земное Царствие Небесное огромным как мир храмом, в котором смогли бы свободно развиваться все творческие силы человека, так что по окончании возведения этого храма ни у кого больше не осталось бы сил, необходимых для работы — лишь тогда человечество на Земле стало бы жить в вечном мире.

В подобном смысле и Малевич выступает за новую жизнь, свободную от какого-либо трудового и производственного принуждения, где опредмеченный труд будет отменен беспредметным творчеством. В своем стремлении привести в художественную практику трудовой процесс как чистое творчество Малевич сближается с эстетскими культурными моделями таких художников как Поль Гоген, Оскар Уайльд или

Уильям Моррис, чьи “прекрасные надежды на счастье” состояли не в последнюю очередь в возможности заниматься трудом как искусством, не нагружать его “ужасной необходимостью ненужного товарного производства”, потому что — как отмечал Моррис — “в конечном счете удовольствие (а наибольшая часть нашей работы таковым и является) заключено в самой работе, так как наша работа есть искусство, сознательное, настоящее искусство и она выполняется художниками”^{*}.

Вопрос о том, насколько и через кого Казимир Малевич был знаком с теориями утопического социализма, пока еще остается открытым; ниже мы будем ссылаться на один — и самый важный — источник, которым наверняка, хотя и без соответствующих упоминаний, пользовался Малевич, пытаясь определить “лень как действительную истину человечества”.

Аргументативное построение текста и многие применяемые Малевичем примеры, метафоры и сравнения позволяют увидеть значительные совпадения с дискуссионной работой Поля Лафарга “Le Droit à la paresse”, которая появилась во французском первоиздании в 1883 году, в немецком переводе Эдуарда Бернштейна в 1887 году (“Das Recht auf Arbeit”) и в 1903 году у Куклина в Женеве на русском языке (“Право на лень”).^{**}

Ортодоксальный марксист Лафарг, находящийся, однако, в боевой оппозиции к декретированному “праву на труд”, провозглашенному в 1848 году и возведенному в пролетарскую догму, предпринимает попытку освободить лень от клейма порока, а труд — от ореола гражданской добродетели. С утрированной парадоксальностью он клеймит пролетарскую одержимость трудом как “духовное заблуждение”, религию труда как причину всякой “индивидуальной и социальной нищеты”, демона труда как “ужаснейшую напасть”, когда-либо поражавшую человечество: право на труд, — по его словам, — есть не что иное, как право на бедность и посему должно быть заменено на противоположное: “труд надо не

^{*} Цит. по: Morris W. News from Nowhere or an Epoch of Rest. London, 1970. P. 77.

^{**} Брошюра Лафарга под таким названием издавалась также в Москве в 1905 г. и в Петрограде в 1918 г. Последующие ссылки даются по изданию 1918 г. (примеч. перев.)

превозносить, а запретить". Это требование доказывается Лафаргом в процессе блестящего теоретико-экономического экскурса и целым рядом примеров унижения и самоунижения пролетариата, а также заключительным провозглашением лени "матерью искусств и благородных добродетелей". "Подобно Христу, печальному олицетворению античного рабства, пролетарии — мужчины, женщины, дети в течение веков с усилием взбираются на крутую голгофу страданий; в течение веков подневольный труд сокрушает их кости, убивает их тело, терзает нервы; в течение веков голод поражает их внутренности и возбуждает галлюцинации в их мозгу!...

О лень, сжался над нашей бесконечной нищетой! О лень, мать искусства и благородных добродетелей, излей свой целительный бальзам на страдающее человечество!"*

Лафаргово похвальное слово "матери лени", как и объявление им вне закона пролетарского трудоголизма находят свои прямые, порой буквальные соответствия и у Малевича: в своем трактате о праздности он задается вопросом, почему *"так восхваляется труд и возводится на трон величия славы и похвал, лень же пригвождена к столбу позора, все лентяи опозорены, и носят клеймо порока, матери лени"*. Как и Лафарг, Малевич хотел бы возвести лень в тот аристократический чин, который — в ущерб самому себе — присвоил себе и своему труду пролетариат: *"труд должен быть проклятым, как и легенды о рае говорят, а лень должна быть тем, к чему человек должен стремиться. Но в жизни получилось обратное"*. Ссылка Лафарга на Творца Мира, который после шести дней трудов отдыхает "на всю оставшуюся вечность" и показывает этим "благороднейший пример идеальной лени", трактуется Малевичем иначе и расширяется в метафорическое описание божественной всепредметности и всеприсутствия: человеческое воображение нарисовало Бога *"и даже распределило дни его творчества, из чего видно, что Бог через шесть дней построил весь мир, и видно, что в седьмой день был отдых. Сколько этот день должен продолжаться, нам*

* Лафарг П. Указ. соч. С. 58.

неизвестно, во всяком случае седьмой день это день отдыха". Чтобы приобщиться к этому вечному дню отдыха, человеку самому нужно было бы стать божеством — "идеодателем", "совершенстводателем". Согласно Малевичу, к совершенству следует стремиться прежде всего в науке и технике: только абсолютные знания и совершенная технология позволяют человечеству создать себе "новое тело", которое сможет функционировать, саморегулироваться и регенерироваться независимо от него. Это "новое тело" Малевич представляет себе в виде некоей мегамашины, которая способна управлять не только всеми желательными процессами производства и воспроизводства, но и их планированием, их постоянным контролем и совершенствованием; машина, освобождая от труда, приводит человека к чистому бытию, к беспредметности — приближая его этим к образу и подобию Бога. Следуя по пятам за Лафаргом, который намеревался отменить "конкуренцию между машиной и человеком" и использовать ее как "инструмент освобождения" пролетариата, чтобы "соответственно увеличить его покой", Малевич проектирует будущий образ полностью механизированного и автоматизированного "самосоздающегося мира", который лишит человека любого физического усилия, а также любой заботы, любых вопросов о смысле и цели бытия: таким образом человечество само освободит себя от труда и легенда о Боге как совершенстве в праздности будет оправдана. Именно этой мыслью (и с соответствующим пророческим пафосом) заключает Лафарг раздел "Спор с моралистами" в приложении к своей работе "Право на лень"; последний пассаж его гласит: "Мечта Аристотеля — уже действительность. Наши машины с огненным дыханием, с не знающими усталости стальными членами, с чудесной неистощимой плодovitостью сами покорно выполняют свою священную работу. И, однако, над гением великих философов капитализма властвует предрассудок наемничества, худшей формы рабства. Они еще не понимают, что машина — искупительница человечества. Бог, который освободит человека от гнусных

искусств и наемного труда. Бог, который даст ему досуг и свободу"*. Но Малевич делит с Лафаргом и скептическое понимание того, что всеохватная реабилитация праздности достижима лишь тогда, когда пролетариат преодолеет свой "человекоубийственный трудовой энтузиазм" и признает машину как своего освободителя.

Выше уже говорилось о том, что многократные попытки Малевича оправдать праздность как средство и путь исследования супрематического мира проистекают, с одной стороны, из эстетологической замаскированной полемики с НЭПом, с другой же стороны, идут от критического дистанцирования от продуктивистской художественной практики пролеткульта и утилитарного конструктивизма; то, что импульс этих попыток был дан работой Лафарга об оправдании лени, из которой, хотя бы частично, была почерпнута и аргументация, в достаточной степени доказывают приведенные параллельные места из трактата о "Лени как действительной истине человечества".

Перевод Галины Куборской.

* Там же. С. 64.

ИЗДАНИЯ "ГИЛЕЯ"

●
МАЛЕВИЧ. ПО ЛЕСТНИЦЕ ПОЗНАНИЯ

●
КРУЧЁНЫХ. КУКИШ ПРОШЛЯКАМ

●
ЕГОР РАДОВ. ЗМЕЕСОС

●
ВВЕДЕНСКИЙ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ДВУХ ТОМАХ

●
ГОТОВИТСЯ

●
МАЛЕВИЧ. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

"ГИЛЕЯ"
Книгоиздательство и магазин
119841, Москва, ул. Знаменка, 10
тел. 2911309

"БИБЛИОТЕКА СЕРГЕЯ КУДРЯВЦЕВА"

●
П. СМЕРНОВ. БУДУИНСКИЕ ХОЛМЫ

●
И. ТЕРЕНТЬЕВ. МОИ ПОХОРОНЫ

●
ФЕОФАН БУКА. КРУЧЁНЫХИАДА

●
В. КАЗАКОВ. ДОН ЖУАН

●
Г. АЙГИ. ПОЭЗИЯ-КАК-МОЛЧАНИЕ

●
К. МАЛЕВИЧ. ЛЕНЬ КАК ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ
ИСТИНА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

**Издания не повторяются,
тираж каждой книги ограничен.**

"ГИЛЕЯ"

Книгоиздательство и магазин
119841, Москва, ул. Знаменка, 10
тел. 2911309